

В. И. ЛЕНИН НА III ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Я. И. Цитович

III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала (22 июня—12 июля 1921 г.) — знаменательная веха в истории мирового коммунистического движения. Он происходил в обстановке, значительно отличавшейся от условий, в которых собирались первые два конгресса. Тогда, с наступлением острейшего кризиса капиталистической системы, в Западной Европе поднялась мощная волна революционного движения. III конгресс работал в условиях уже вполне обозначившегося общего наступления буржуазии на рабочий класс и угнетенные народы колоний. Бурный и стихийный революционный натиск масс в первые послевоенные годы был достаточно сильным, чтобы помешать победе империалистов над Советской Россией. Но он оказался слишком слабым, чтобы обеспечить торжество пролетариата за пределами Советской республики. Многочисленные выступления и бои рабочего класса закончились его частичными поражениями. Захват рабочими фабрик и заводов в Италии в сентябре 1920 г., всеобщая забастовка в Чехословакии в декабре 1920 г., выступление передовых рабочих в Средней Германии в марте 1921 г. — все эти события, разразившиеся на рубеже 1920—1921 гг., выявили изменившееся соотношение сил между пролетариатом и буржуазией, вскрыли несоответствие между размахом революционного движения и силами коммунистических партий, показали слабую обученность коммунистического авангарда ленинскому искусству революционного руководства массами.

Одной из главных причин, которые позволили буржуазии сохранить свое господствующее положение, являлось то, что через несколько месяцев после войны наступил торгово-промышленный подъем. Он продолжался около полутора лет. Промышленность постепенно поглощала демобилизованных рабочих. Заработная плата обнаруживала тенденцию роста, хотя и продолжала значительно отставать от роста цен на предметы широкого потребления. Социал-демократия выдвинула тезис о наступлении новой эпохи — эпохи органического развития капитализма. Буржуазия почувствовала себя более устойчивой, ее поведение стало более уверенным. Экономический кризис разразился лишь в 1920 г., когда буржуазии уже удалось отбить первые атаки революционного пролетариата.

Реформистские партии, подорвавшие боевое единство пролетариата в его борьбе с буржуазией, стали вновь усиливаться. Социал-демократы обещали рабочим массам улучшение их судьбы без острой революционной борьбы, без упорных классовых боев. Ожили центристские партии. Выйдя в 1919—1920 гг. под давлением рабочих масс из II Интернационала, они создали в феврале 1921 г. в Вене «Международное объединение социалистических партий», так называемый 2½ Интернационал.

В марте 1920 г., в первую годовщину Коммунистического Интернационала, В. И. Ленин констатировал замедление темпа развития мировой пролетарской революции. «В первое время революции, — говорил он, — у многих была надежда, что в Западной Европе начнется социалистическая революция с момента, непосредственно связанного с окончанием им-

периалистической войны, ибо в тот момент, когда массы были вооружены, революция могла пройти с наибольшим успехом и в некоторых странах Запада. Это могло бы произойти, если бы не оказалось, что в Западной Европе более глубокий раскол среди пролетариата, больше предательства бывших социалистических вождей»¹. Через год с небольшим, на III конгрессе Коминтерна, В. И. Ленин вновь подчеркивал, что «в действительно движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали»².

К моменту революционного кризиса на Западе за коммунистическими партиями не шло еще большинство рабочего класса, а в ряде важнейших стран компартии отсутствовали. Пути образования коммунистических партий в отдельных странах, в зависимости от исторической обстановки, сложившейся в данной стране, были различны. В. И. Ленин писал, что история рабочего движения разных стран вскрывает «глубоко лежащие корни III, Коммунистического Интернационала, его подготовку, своеобразную внутри каждой нации, в зависимости от ее исторических особенностей. Глубокие корни III Интернационала надо знать, чтобы понять его неизбежность и различие в путях, подводящих к нему разные национальные социалистические партии»³.

За одиннадцать месяцев, отделявших III конгресс Коминтерна от II, число коммунистических партий значительно возросло: в июле 1920 г. была образована Коммунистическая партия Великобритании; в октябре 1920 г. съезд Независимой социал-демократической партии Германии большинством 237 против 156 голосов высказался за принятие 21-го условия вступления в Коминтерн, в результате чего на объединительном съезде КПП и левого крыла Независимой социал-демократической партии в компартию Германии влилось 300 тыс. новых членов; в декабре 1920 г. съезд французской социалистической партии подавляющим большинством постановил вступить в Коминтерн и переименовать партию в коммунистическую; в январе 1921 г. образовалась Коммунистическая партия Италии; в апреле 1921 г. — Коммунистическая партия Испании; в мае 1921 г. — коммунистические партии Румынии и Чехословакии и в июне 1921 г. — Коммунистическая партия Китая.

В 1921 г. секции Коммунистического Интернационала имелись в 43 странах. Одиннадцать компартий работали нелегально. Общая численность членов коммунистических партий 31 капиталистической страны, действовавших в то время в легальных условиях, составляла в конце 1921 г., по приблизительным данным Исполкома Коминтерна, 1 131 тыс. человек. После РКП(б) наиболее массовыми были компартия Германии, насчитывавшая 360 тыс. членов, компартия Чехословакии — 359 тыс. членов, компартия Франции — 131 тыс. членов, «Норвежская рабочая партия» — 97,5 тыс. членов, компартия Италии — 40 тыс. членов, компартия Болгарии — 37 тыс. членов и т. д.⁴. В эти годы почти повсюду, особенно в западноевропейских странах, наряду с компартиями возникли коммунистические союзы молодежи. Был основан и Коммунистический Интернационал Молодежи. Молодые коммунистические партии, возникшие в огне революционных битв, проявляли величайший героизм, но организовать рабочие массы на победоносную пролетарскую революцию еще не умели. Самый процесс образования коммунистических партий шел главным образом за счет отхода лучших элементов из социал-демократических, синдикалистских, анархистских организаций, которые в обстановке обостренной классовой борьбы рвали со своим прошлым и переходили на позиции коммунизма, а также за счет молодых рабочих, не имевших еще достаточного революционного закала, но являвшихся активной силой всех наи-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 391.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 456.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 276.

⁴ Данные о численности коммунистических партий взяты из брошюры «Армия Коммунистического Интернационала». Изд. Коминтерна. Птгр. 1921.

более крупных классовых боев. Понятно, что в молодых коммунистических партиях сохранялись многочисленные реформистские и анархо-синдикалистские пережитки.

Летом 1921 г. армия коммунистов существовала во всем мире, но она была еще плохо обучена, плохо организована. «Эту армию,— писал Ленин,— надо деловым образом, с величайшей осторожностью и строгостью проверяя себя, изучая опыт своего собственного движения, как следует обучить, как следует организовать, испытать на всяческих маневрах, на разнообразных сражениях, на операциях наступления и отступления. Без этой долгой и тяжелой школы победить нельзя»⁵.

В этом духе был проведен III конгресс Коминтерна. В. И. Ленин был избран почетным его председателем и руководил всей его работой. Он сделал на конгрессе доклад по одному из самых важных вопросов — о тактике РКП(б), тогда единственной партии, которая на протяжении почти четырех лет руководила первым в истории человечества государством рабочих и крестьян. Ленин выступал на конгрессе с речью в защиту тактики Коммунистического Интернационала, с речью по итальянскому вопросу⁶. При его непосредственном участии были выработаны тактические и организационные решения конгресса. В обстановке начавшегося капиталистического наступления, когда потребовалась решительная перестройка всей деятельности коммунистических партий, вновь, как это бывало не раз на исторических поворотах, проявилась гигантская роль величайшего мастера революционного руководства — Владимира Ильича Ленина.

Важное значение для определения дальнейшей тактики Коммунистического Интернационала и его секций имела правильная оценка международного положения. Международная обстановка и перспективы развития рабочего движения продолжали оставаться революционными, хотя уже не было непосредственно революционной ситуации. Почти все капиталистические страны к тому времени охватил экономический кризис. Некоторые делегаты конгресса, как, например, Погани (Дж. Пеппер) и другие, пытаясь установить автоматическую зависимость революционного подъема от экономического кризиса, приходили к глубоко ошибочному выводу, что если кризис будет преодолен и наступит экономическое улучшение, то это окажет роковое влияние на судьбы революции и тем самым снимет революционную перспективу на длительный период. По их мнению, экономический кризис является отцом революции, а период процветания — ее могильщиком. На самом деле, между экономическим кризисом и революционным движением рабочего класса существует не механическое, а диалектическое взаимодействие. Достаточно сослаться на пример России: годы экономического кризиса (1907—1909) являлись здесь вместе с тем годами упадка революционного движения, а годы экономического подъема (1911—1913) были в то же время годами революционного подъема. Экономический кризис не всегда приводит к революционному подъему, как и экономический подъем не обязательно влечет за собой упадок революционного движения.

В. И. Ленин в своем анализе международной обстановки исходил из признания того факта, что «теперь бесспорно наступило известное равновесие сил, которые вели между собой открытую борьбу, с оружием в руках, за господство того или другого руководящего класса,— равновесие

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 494—495.

⁶ Из воспоминаний участников конгресса видно, что Ленин выступал также на совещании делегатов конгресса с речью по вопросу о революционной тактике. К сожалению, эта его речь до сих пор не опубликована и ее запись, по-видимому, не сохранилась.

между буржуазным обществом, международной буржуазией в целом, с одной стороны, и Советской Россией — с другой. Но, конечно, равновесие лишь в ограниченном смысле. Только в отношении этой военной борьбы я утверждаю, что наступило известное равновесие в международном положении. Конечно, необходимо подчеркнуть, что речь идет только об относительном равновесии, о весьма неустойчивом равновесии»⁷.

В тезисах и докладе о тактике РКП(б) В. И. Ленин подошел к вопросу о новой экономической политике в Советской России как к проблеме мировой революции, которая состоит в том, «чтобы практически испытать и проверить политику пролетариата, держащего государственную власть в своих руках, по отношению к мелкобуржуазной массе»⁸. Он показал огромное значение для пролетариата как господствующего класса в России правильного определения и осуществления таких мер, которые необходимы для руководства крестьянством, для прочного союза с ним, для последующего постепенного перехода к крупному машинному земледелию. Вскрыв особую трудность решения этой задачи в России в силу ее технико-экономической отсталости и крайнего разорения, которые ей принесли четыре года империалистической и три года гражданской войны, Ленин специально подчеркнул, что «эта задача принадлежит к числу труднейших задач социалистического строительства, которые встанут перед всеми капиталистическими странами,— может быть, за исключением одной только Англии. Однако и по отношению к Англии,— указывал он,— нельзя забывать, что если в ней особенно малочислен класс мелких земледельцев-арендаторов, то в ней зато исключительно высок процент живущих по-мелкобуржуазному среди рабочих и служащих вследствие фактического рабства сотен миллионов людей в колониях, «принадлежащих» Англии»⁹.

Таким образом, в докладе В. И. Ленина давалось обоснование новой экономической политики не как временной тактики партии, вызванной затяжкой мировой революции и технико-экономической отсталостью России, как ее обыкновенно пытались истолковать оппортунисты, а как единственно правильной хозяйственной политики победившего пролетариата, как политики строительства социализма.

Новая экономическая политика встретила на конгрессе оппозицию в лице представителей Коммунистической рабочей партии Германии (Гемпель, Закс) и «рабочей оппозиции» в РКП(б) (Коллонтай).

Потерпев полное идейное поражение на X съезде РКП(б), группа «рабочей оппозиции» попыталась заручиться поддержкой зарубежных коммунистических партий. На конгрессе выступала представительница этой антиленинской группировки А. Коллонтай. Она заявила, что новая экономическая политика будто бы открывает путь к реставрации капитализма в России. Обвиняя ленинскую партию в отходе от революционных позиций, она утверждала, что поворот в тактике РКП(б) обусловлен не интересами пролетариата, а требованиями мелкой буржуазии, крестьянства и влиянием иностранного капитала. В новой экономической политике А. Коллонтай видела политику уступок мелкой буржуазии, возврат к капитализму. «Рабочая оппозиция» не верила в возможность социалистического строительства на рельсах нэпа. «Если мы будем продолжать эту политику уступок,— заявила А. Коллонтай,— мы дойдем до того, что, когда в других странах вспыхнет социальная революция, то будет слишком поздно, ибо у нас не будет настоящего, прочного, сознательного пролетарского ядра, на которое могла бы опереться революция»¹⁰. Исходя из та-

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 454

⁸ Там же, стр. 432.

⁹ Там же, стр. 431—432.

¹⁰ «III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». Стенографический отчет. П. 1922, стр. 369.

кого «прогноза», А. Коллонтай пророчила неизбежность новой рабочей революции в Советской России.

Антиреволюционная платформа «рабочей оппозиции» получила на конгрессе известный отклик со стороны неустойчивых, чуждых ленинизму элементов. Так, аналогичные взгляды развивали представители Коммунистической рабочей партии Германии Закс и Гемпель, стоявшие на анархо-синдикалистских позициях. Закс в своей речи пытался доказать наличие противоречия между интересами революционных рабочих западноевропейских стран и Советской России и в этой связи призвал коммунистические партии высокоразвитых капиталистических стран создать противовес влиянию «русской государственной политики»¹¹. Другой представитель КРПГ, Гемпель, под смех Ленина и многих делегатов конгресса, заявил: «Задачей 3-го Интернационала должна быть забота о том, чтобы Россия поддерживалась пролетариатом, чисто революционными средствами, но не капиталистическими! Вот в чем суть вопроса. И всего этого не будет, если следовать тактике 3-го Интернационала»¹².

Общим в выступлениях «левых» по данному вопросу являлась их оценка новой экономической политики как отступления от основных принципов Коммунистической партии, характеристика политики концессий и торговых сношений с буржуазными странами как пути к восстановлению капитализма в Советской России. Они договаривались до того, что видели в этой политике «поддержку» капитализма в западноевропейских странах и «создание препятствий» на пути международной революции¹³.

В. И. Ленин подчеркивал, что именно с точки зрения дальнейшего развития международной революции и укрепления русской революции необходимо использовать завоеванную Советской Россией передышку, приспособить тактику РКП(б) и Коминтерна к зигзагообразной линии истории, к непрямолинейному ходу мировой революции. Для коммунистических партий капиталистических стран это означало борьбу за завоевание большинства пролетариата на свою сторону, для РКП(б) — укрепление союза рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса.

III конгресс Коминтерна единогласно принял внесенную от имени девяти делегаций братских зарубежных партий резолюцию по докладу В. И. Ленина (представители КРПГ, голландских «левых» и «рабочей оппозиции» в РКП(б) имели мандаты лишь с правом совещательного голоса). В ней была полностью одобрена тактика РКП(б), ее экономическая политика, направленная на укрепление диктатуры пролетариата, и решительно отвергнуты сектантские и анархо-синдикалистские взгляды «левых».

Опыт проведения новой экономической политики в Советской России стал неотъемлемой частью основных принципов компартии в борьбе за социализм. Программа Коммунистического Интернационала¹⁴ специально указывала на международное значение новой экономической политики для успешного строительства социализма. Этот опыт успешно используется ныне в странах народной демократии.

¹¹ Там же, стр. 364.

¹² Там же, стр. 377.

¹³ В унисон с этими левацкими взглядами высказывались и некоторые видные вожди социал-демократических партий, утверждавшие, что «большевики отступают к капитализму». Так, один из лидеров австрийской социал-демократии, Отто Бауэр, в брошюре «Новый курс» в Советской России рассматривал новую экономическую политику как ликвидацию всех социалистических мероприятий и постепенное возвращение к капитализму, которое должно было повлечь за собой радикальное изменение всей политической и юридической надстройки; он советовал коммунистам Советской России ликвидировать диктатуру пролетариата и перейти к буржуазной демократии (см. Otto Bauer. «Der neue Kurs» in Sowjetrußland. Wien, 1921).

¹⁴ См. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932». Под ред. Б. Куна. М. 1933, стр. 23—25.

Происшедшие в мире сдвиги требовали решительного поворота в тактике коммунистических партий. Ко времени созыва III конгресса Коминтерна уже вполне обозначилось общее наступление капитала на рабочий класс. Пролетариат стал переходить от наступления к обороне. Перед конгрессом стояла задача подготовить коммунистические партии к дальнейшей борьбе, ликвидировать расхождение (особенно наглядно обнаружившееся в мартовском выступлении 1921 г. в Германии) между поведением масс и тактикой компартий и, наконец, самое важное, перестроить всю работу коммунистов под знаком упорной борьбы за массы, за большинство рабочего класса, за большинство угнетенной и эксплуатируемой части человечества. Этого не понимали некоторые «лево»-настроенные товарищи, особенно из состава германской, австрийской, итальянской и венгерской делегаций. Они говорили не о завоевании рабочего класса, а выдвигали на первый план старый лозунг борьбы с центризмом.

««Гвоздем» положения в международном коммунистическом движении летом 1921 года было то, — писал В. И. Ленин, — что некоторые из лучших и влиятельнейших частей Коммунистического Интернационала не совсем правильно поняли эту задачу, чуточку преувеличили «борьбу с центризмом», чуточку перешли ту грань, за которой эта борьба превращается в спорт, за которой начинается компрометация революционного марксизма. В этом был «гвоздь» III конгресса»¹⁵.

Под этим углом зрения выработывались тактические решения III конгресса, явившиеся поворотным пунктом в истории Коммунистического Интернационала. Уже в первый год своего существования Коммунистический Интернационал отклонил сектантские тенденции и потребовал от присоединившихся к нему партий, как бы малочисленны они ни были, участия в работе реформистских профсоюзов и борьбы за превращение их в боевые массовые организации пролетариата. Коммунистический Интернационал призывал молодые компартии не замыкаться в себе, не превращаться в пропагандистские кружки, а использовать в своей деятельности все легальные возможности, которые вынуждено им предоставить буржуазное государство.

На II конгрессе Коммунистический Интернационал решительно отверг сектантские тенденции, обнаружившиеся в международном коммунистическом движении и получившие критический анализ в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» — произведении, принадлежащем к числу величайших трудов В. И. Ленина. В. И. Ленин, ведя принципиальную борьбу против «левых», учитывал, что под их влиянием находились значительные слои рабочих. Поэтому он терпеливо разъяснял «левым» их ошибки и добивался сотрудничества со многими из этих групп. В. И. Ленин требовал чрезвычайно осторожного, тактичного и товарищеского отношения к рабочим, у которых имеются предрассудки в отношении марксизма. «Нет ничего легче метода немедленного разрыва с такими несогласномыслящими рабочими или простого отстранения от них, но нет и ничего глупее такого метода», — писал Ленин, подчеркивая, что единство широких масс пролетариата «создается, в силу раздробляющих, разъединяющих, отупляющих условий капитализма, не сразу, а лишь ценой упорного труда и громадного терпения»¹⁶. Последующие события подтвердили правильность ленинской политики. К III конгрессу значительная часть «левых» элементов отрешилась от своих заблуждений и сплотилась в рядах своих партий на общей платформе Коммунистического Интернационала.

Тем не менее и на III конгрессе Коммунистическому Интернационалу пришлось вести упорную борьбу с так называемой «левой» оппозицией,

¹⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 495.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 8, стр. 475.

представленной, с одной стороны, Коммунистической рабочей партией Германии и голландскими «левыми», с другой — «левыми» из состава германской, австрийской, итальянской и венгерской делегаций. Хотя дискуссия с сектантски настроенными голландскими «левыми» и представителями КРПГ отняла у конгресса сравнительно много времени, однако главный огонь был направлен Лениным не против этих элементов: к тому времени они уже не располагали влиянием в более или менее значительных массах рабочих. Гораздо большую опасность для коммунистического движения представляла позиция «левых» из германской, австрийской, итальянской и венгерской делегаций. В «Письме к немецким коммунистам», адресованном Иенскому съезду германской компартии (август 1921 г.), В. И. Ленин мотивировал направление огня на III конгрессе против «левых» следующими словами: «...оценка и исправление многочисленных ошибок, допущенных Объединенной коммунистической партией Германии при мартовском выступлении 1921 года, имело и имеет громадную важность. Для разъяснения и исправления этих ошибок (которые кое-кем возводились в перл марксистской тактики), надо было стоять на правом крыле во время III конгресса Коммунистического Интернационала. Иначе линия Коммунистического Интернационала была бы неверна»¹⁷.

Эту же свою установку на III конгрессе Коминтерна Ленин защищал и в «Заметках публициста», написанных в конце февраля 1922 года. «На этом съезде (III конгресс Коминтерна.— Я. Ц.),— писал Ленин,— я стоял на крайнем правом фланге. Убежден, что это была единственно правильная позиция, ибо весьма многочисленная (и «влиятельная») группа делегатов, со многими немецкими, венгерскими и итальянскими товарищами во главе, занимала неумеренно «левую» и неправильно левую позицию, слишком часто заменяя презвый учет не очень благоприятной для немедленного и непосредственного революционного действия обстановки усиленным маханьем красными флажками»¹⁸.

Центральное место в прениях по докладу Исполкома Коминтерна и докладу о тактике Коммунистического Интернационала, естественно, занимал вопрос об уроках мартовского выступления 1921 г. в Германии и так называемой «теории наступления». Возникновение этой теории относится еще к Берлинскому объединительному съезду (декабрь 1920 г.) коммунистической партии и левого крыла Независимой социал-демократической партии. Манифест этого съезда гласил: «Объединенная коммунистическая партия достаточно сильна, чтобы там, где это позволяют или где этого потребуют события, выступить собственными силами... Она окажется способной вызвать выступление пролетариата или стать во главе стихийно возникающих выступлений». В другом месте манифеста говорилось: «...Тогда как партия, к мнению которой прислушиваются только десятки тысяч, вербует себе сторонников путем пропаганды, партия, охватывающая своей организацией сотни тысяч, партия, к мнению которой прислушиваются миллионы, должна привлекать к себе сторонников, в первую очередь, путем дел, путем активных выступлений»¹⁹.

Эта линия особенно ярко проявилась в мартовском выступлении 1921 г., принявшем наиболее крупные размеры в Мансфельдском горном округе. Выступление протекало стихийно и носило разрозненный, партизанский характер. Формально общее руководство выступлением находилось в руках Макса Гельца, известного рабочим массам еще по вооруженной борьбе против белых банд в Фогтланде в 1920 году. Но в действительности Макс Гельц руководил только своим отрядом. Многие из

¹⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 491—492.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 181—182.

¹⁹ «Bericht über die Verhandlungen des Vereinigungsparteitages der USPD (Linke) und der KPD (Spartakusbund). Abgehalten in Berlin vom 4. bis 7. Dezember 1920». Berlin, 1921, S. 232.

его действий были нецелесообразны с точки зрения коммунистической тактики; на них лежала печать анархистских тенденций. Другие отряды руководствовались соображениями местного характера и не связывали своих действий с общей борьбой в стране. Отсутствовал единый план выступления. Руководители компартии, как и руководители отдельных отрядов, не понимали основных принципов марксистско-ленинского учения о вооруженном восстании.

Несмотря на беззаветную храбрость рабочих, мартовское выступление было подавлено. Реакция нанесла компартии и революционному движению тяжелый удар. Мартовские бои показали, что недостаточно готовности к выступлению одних только передовых рядов рабочего класса, его революционного и активного меньшинства и что нельзя вступать в бой без такой готовности со стороны широких пролетарских масс. Коммунистическая партия ринулась в бой, не имея за собой большинства рабочих в решающих центрах. Мартовское выступление было навязано партии нападением правительственных войск на пролетариат в Средней Германии. Вместо того, чтобы в ответ на действия правительства начать революционную мобилизацию сил рабочего класса и в случае благоприятного развертывания событий постепенно перейти в наступление, партия бросилась в бой, прежде чем большинство рабочих вполне поняло необходимость всеобщей забастовки и восстания и готово было к решительной схватке с врагом. Несмотря на ошибки руководства, мартовское выступление являлось массовым движением пролетариата, и долг Коммунистической партии Германии состоял в том, чтобы возглавить это выступление.

Другого взгляда придерживались бывший председатель ЦК ОКПГ Пауль Леви и его сторонники. Хотя Пауль Леви был «прав по существу во многом в своей критике мартовского выступления 1921 года в Германии», однако он «облек свою критику в недопустимую и вредную форму»²⁰. Едва успело закончиться мартовское выступление, как он выпустил брошюру «Наш путь против путчизма». Он характеризовал выступление как восстание люмпен-пролетариев, обвинял руководящие органы партии в бакунизме, авантюризме и призывал рабочих возложить всю ответственность за поражение на коммунистов, действовавших якобы по указке Москвы. Его единственный вывод из понесенного поражения был: «Никогда больше!»²¹. В журнале «Soviet», который он издавал, П. Леви вместе с другими представителями оппозиционной группы открыл кампанию против ЦК ОКПГ. В статьях, напечатанных в этом журнале, не было ни слова о практических мероприятиях по укреплению ОКПГ; наоборот, журнал проводил линию на подрыв влияния коммунистической партии в массах, на дискредитацию ее руководства.

ЦК ОКПГ исключил Пауля Леви за подобное ренегатское поведение из партии. 29 апреля 1921 г. Исполком Коминтерна одобрил это решение. В резолюции Исполкома Коминтерна говорилось: «Если бы даже Пауль Леви был на 9/10 прав в своих суждениях о мартовском выступлении, то и в таком случае он подлежал бы исключению из партии, в виду неслыханного нарушения дисциплины и в виду того, что своим выступлением при данных условиях он нанес партии удар в спину»²². Исключение Пауля Леви из партии было подтверждено III конгрессом Коминтерна.

В. И. Ленин считал мартовское выступление «большим шагом вперед, несмотря на ошибки его руководителей». Он разъяснял при этом, что если кто-нибудь, хотя бы анархист, героически борется с буржуазией, то это, конечно, — большое дело, но если борются сотни тысяч, то это «настоящий шаг вперед». «Очень важно, — говорил Ленин, — относиться кри-

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 491.

²¹ Paul Levi. Unser Weg. Wider den Putschismus. A. Seehof u. C° Verlag. Berlin. 1921, S. 3.

²² «Коммунистический Интернационал». 1921, № 17, стр. 4297.

тически к своим ошибкам. Мы с этого начали. Если кто-либо после борьбы, в которой участвовали сотни тысяч, выступает против этой борьбы и поступает так, как Леви, то его нужно исключить. Это и было сделано»²³.

Разоблачая поведение Леви и его сторонников, партия сосредоточивала свои главные усилия на исправлении многочисленных ошибок; допущенных ею в мартовском выступлении, и на борьбе против левацкой «теории наступления», выдвинутой в связи с мартовскими боями.

По мнению сторонников этой теории, мартовские события открыли период перманентного наступления, являющегося единственным средством ликвидировать пассивность и пробудить активность масс. Так, А. Маслов в статье «Проблемы III Всемирного конгресса», опубликованной в журнале «Die Internationale», писал: «Если спросить, что, собственно, было нового в мартовском выступлении, то на это приходится ответить следующее: как раз то, что порицают наши противники, а именно, что партия вступила в бой, не заботясь о том, кто за ней последует». Более того, он и его единомышленники утверждали, что «тактика наступления коммунистических партий Европы является вопросом жизни Коммунистического Интернационала» и что эта тактика «абсолютно не зависит от тех или иных конкретных политических условий»²⁴.

Журнал «Kommunismus», орган Коммунистического Интернационала для стран Юго-Восточной Европы, издававшийся в Вене, заявлял: «Главной характеристикой нынешнего периода революции является то, что мы должны и частичные, в том числе экономические, бои проводить лишь средствами окончательного боя (т. е. с оружием в руках.— Я. Ц.). Мы это видели и в Германии, в мартовском выступлении коммунистической партии»²⁵.

В защиту «теории наступления» выступила Рут Фишер. В статье «Было ли мартовское выступление ОКПГ «путем Беттельгейма»?» она утверждала, что тактика наступления была правильна, ибо «ни один пролетарий, будь он самым индифферентным, не верил больше в демократию или в социализм, путь к которому лежит через демократию»²⁶. Такое несуразное заключение делалось вопреки общеизвестному факту, что именно из-за того, что было еще сильным влияние социал-демократической и независимой социал-демократической партий, рабочие массы не поднялись на борьбу в защиту своих товарищей из Средней Германии. Социал-демократическая партия все еще продолжала оставаться наиболее влиятельной в рабочих массах Германии. Что же касается демократии, то известно, что ее защита против посягательства фашистов и ее использование в интересах рабочего класса являются долгом пролетариата и нисколько не противоречат задачам борьбы за торжество социализма.

Другой защитник этой «теории», Г. Лукач, в статье «Стихийность масс и активность партий» в отличие от Рут Фишер считал, что пролетариат находится в состоянии «меньшевистской летаргии» и только партия своей инициативой действия способна его пробудить. «Разрубить узел идеологического кризиса пролетариата мечом действия»²⁷ — такова была, с точки зрения Лукача, центральная задача партии.

Все это свидетельствовало, что левацкие элементы ОКПГ и некоторых других коммунистических партий не были в состоянии извлечь необходимые уроки из мартовского выступления. Левацкие, авантюристические взгляды нашли свое «теоретическое обоснование» в тезисах о мартовском выступлении, принятых ЦК ОКПГ большинством голосов 8 апреля 1921 года. В тезисах говорилось, что Объединенная коммунистиче-

²³ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 449.

²⁴ «Die Internationale». Jahrgang 3, Heft 7. 1 Juni 1921, S. 254, 255.

²⁵ «Kommunismus». Wien. II Jahrgang, Heft 21/22. 15 Juni 1921, S. 691.

²⁶ «Die Internationale». Jahrgang 3, Heft 5, S. 168.

²⁷ «Die Internationale». Jahrgang 3, Heft 6, S. 213, 215.

ская партия Германии «должна, если она хочет выполнить свою историческую задачу, придерживаться линии революционного наступления, лежащей в основе мартовского выступления. И только на этом пути партия должна развиваться». В другом месте тезисы утверждали, что «такие действия, если они даже терпят поражения, являются предпосылкой будущей победы и единственно возможным средством для революционной партии завоевать массы и довести до сознания индифферентных масс объективно благоприятное политическое положение»²⁸.

«Теория наступления» была серьезной опасностью для коммунистического движения, особенно в обстановке начавшегося спада революционной волны. Ее приверженцы обнаруживали неумение подвергнуть марксистскому анализу объективные условия, правильно учесть расстановку и соотношение классовых сил, приспособить тактику и лозунги к изменившейся обстановке, стремились подменить неблагоприятную для непосредственного революционного действия обстановку «инициативой меньшинства», фактически отказывались от завоевания масс на сторону компартии путем повседневной, систематической борьбы за жизненные интересы трудящихся.

Прибывшая на III конгресс Коминтерна делегация ОКПГ добивалась того, чтобы «теория наступления» была положена в основу тезисов о тактике Коммунистического Интернационала на ближайший период. Ее сторонники развернули кипучую деятельность. Делегат Болгарской коммунистической партии на конгрессе В. Коларов рассказывает, что на заседании пленума ИККИ с участием прибывших делегатов, на котором в предварительном порядке шел обмен мнениями по основному вопросу конгресса, развернулась горячая дискуссия о «теории наступления». «Слово взял и т. Бела Кун, который считался самым ярким сторонником «теории наступления». Посредине его речи неожиданно явился Ленин, занял место у стола президиума, возле самого оратора и, повернув к нему голову, начал прерывать его уже после первых услышанных им слов:

— Так, так... Решительное наступление!.. Авангардные бои!..

Все присутствующие почувствовали, что появление Ленина и его резкие едкие замечания понизили самоуверенность т. Куна, который быстро закончил свою речь. В ответ т. Куну и другим «левым» Ленин произнес не длинную, но блестящую речь, которая произвела глубочайшее впечатление на иностранных делегатов и окончательно рассеяла всякие колебания у многих из них. «Теория наступления» была разбита вдребезги»²⁹.

Сторонники «теории наступления», не добившись успеха в совещаниях комиссий, внесли ряд поправок к тезисам о тактике, предложенным русской делегацией. Поправки были полностью опубликованы на немецком языке в газете «Москва», органе III конгресса Коммунистического Интернационала³⁰.

Поправки не только не давали критического анализа допущенных ошибок, а, наоборот, подчеркивали крупную заслугу мартовского высту-

²⁸ «Taktik und Organisation der revolutionären Offensive. Die Lehren der Märzaktion». Frankes-Verlag G. m. B. H. Leipzig-Berlin, 1921, S. 142, 144.

²⁹ «Ленин и международное рабочее движение». Воспоминания о Ленине. Партиздат, 1934, стр. 91. Ленинское понимание людей, их положительных сторон и недостатков, умение вырастить и спланировать кадры партии ярко иллюстрируются отношением Ленина к Бела Куну. Буквально в те же дни в беседе с Кларой Цеткин Ленин говорил: «Вообще можно ли это назвать теорией? («теория наступления»).— Я. Ц.). Это — иллюзия, романтика, не что иное, как романтика. Поэтому-то она была изобретена в стране «мыслителей и поэтов», при содействии моего милого Бела, который тоже принадлежит к нации, поэтически одаренной, и чувствует себя обязанным быть всегда левее левого... Мы должны больше прислушиваться к Марксу, чем к Тальгеймеру и Бела, хотя Бела — прекрасный, преданный революционер. Во всяком случае русская революция может большему научить, чем немецкое «мартовское выступление» («Ленин и международное рабочее движение». Воспоминания о Ленине, стр. 68).

³⁰ См. «Abänderungsvorschläge der deutschen, österreichischen und italienischen Delegation zu den von der russischen Delegation vorgelegten Thesen über die Taktik». Moskau, 1. Juli 1921, № 30, S. 4.

пления, видя ее именно в том, что оно дало возможность выяснить совершенные ошибки и в дальнейшем их устранить. Так, в поправках говорилось: «Мартовское выступление, благодаря многочисленным обнаружившимся в самой борьбе ошибкам и организационным недостаткам партии, сделало возможным ясно понять эти ошибки и недостатки и приступить к их ликвидации»³¹. Это было весьма «оригинальным» оправданием мартовского выступления как средства уяснения партией своих ошибок. Поправки, далее, указывали, что партия сделала попытку осуществить свою руководящую роль в процессе борьбы, но обходили коренной вопрос: была ли эта попытка удачной? В поправках огонь сосредоточивался против «замаскированных центристских элементов» внутри ОКПГ, но вместе с тем в них делалась попытка вывести из-под критики левацкие, авантюристические элементы. Позиция авторов поправок особенно наглядно проявилась в предложении вычеркнуть из проекта тезисов слово «большинство», когда речь шла о борьбе компартии за большинство рабочего класса, а также в резко отрицательном отношении к «Открытому письму»³². «Открытое письмо» было, по существу, первым опытом применения тактики единого фронта, авторы же поправок предлагали вычеркнуть из проекта тезисов о тактике даже упоминание о нем.

Итальянский делегат У. Террачини доказывал, что под «теорией наступления» подразумевалась, собственно, тенденция к большей активности компартии, или, как он выразился, «динамическая тенденция» в отличие от «статической тенденции», которая, по его мнению, якобы являлась господствующей во всех партиях Коммунистического Интернационала. Он категорически возражал против выдвинутого русской делегацией тезиса о необходимости самой решительной борьбы компартий за массы, за большинство рабочего класса. «Мы, — говорил Террачини, — не думаем, что следует откладывать революционное выступление до того момента, пока большинство пролетариата будет организовано согласно принципам коммунизма... Не следует утверждать в тезисах, что главной задачей коммунистической партии является завоевание для коммунистических принципов наибольшей части пролетариата»³³.

Это революционное фразерство, отказ от повседневной, будничной работы за завоевание масс, за завоевание большинства рабочего класса лили воду на мельницу противников коммунизма и «левых» крикунов из Коммунистической рабочей партии Германии. Представитель ее Закс в своей речи на конгрессе заявил: «Мартовское выступление, со всеми его ошибками и слабыми местами, в общем и целом, является гораздо лучшим методом для завоевания масс, чем «Открытое письмо»... Во время мартовского выступления широкие массы шли наперекор революционерам не только на словах, но и на деле, выгоняя железными штангами тех, кто звал их на забастовку. Но диалектический процесс развивается именно так, что сначала те, которые хотят и могут бороться, отрываются от сво-

³¹ Там же.

³² Речь идет о письме ЦК ОКПГ от 8 января 1921 г. руководящим центрам профдвижения, социал-демократической партии, независимой социал-демократической партии, коммунистической рабочей партии с призывом к совместной борьбе против усилившейся реакции и наступления капитала на рабочий класс. Основные требования, выдвинутые компартией в «Открытом письме», заключались в развертывании совместной борьбы за улучшение экономического положения трудящихся масс, за роспуск и разоружение буржуазных военных организаций, за создание пролетарской самообороны, за всеобщую политическую амнистию, за отмену запрещения стачек и немедленное восстановление торговых и дипломатических отношений с Советской Россией. «Открытое письмо» встретило горячий отклик в рабочих массах. Иначе реагировали на этот призыв руководящие центры профессионального движения и социал-демократических партий. Они обходили его молчанием либо категорически отвергали. В. И. Ленин характеризовал на III конгрессе «Открытое письмо» как «образцовый политический шаг», как «первый акт практического метода привлечения большинства рабочего класса» (В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 446).

³³ «III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». Стенографический отчет, стр. 238.

ей среды и идут вперед. Эти немногие гибнут, и только потом массы, бывшие сначала против выступления, прозревают и понимают, что они были против борьбы, потому что ждали лучшего; но ничто не изменилось, и они увидели, что те, кого они выгоняли железными штангами, были совершенно правы. Говоря вообще, это единственно правильный путь для привлечения масс на нашу сторону»³⁴.

Итак, не повседневная работа в массах, не борьба за повседневные нужды рабочего класса и мобилизация вокруг нее широких масс, а применение сильнодействующих средств: неподготовленных восстаний, обреченных даже на поражение,— таков, с точки зрения «левых» фразеров, путь к победе. Совершенно очевидно, что этот мелкобуржуазный революционизм, в основе которого лежали, по существу, объективно реакционные тенденции, представлял чрезвычайно большую угрозу для коммунистического движения, серьезное препятствие на пути создания действительно массовых коммунистических партий.

Поэтому В. И. Ленин главный огонь своей критики направил против «левых». «Тот,— говорил Ленин,— кто не понимает, что в Европе, где почти все пролетарии организованы,— мы должны завоевать большинство рабочего класса, тот потерян для коммунистического движения, тот никогда ничему не научится, если он в течение трех лет великой революции этому еще не научился». «Если эти взгляды тов. Террачини разделяются еще тремя делегациями, тогда в Интернационале не все в порядке! Тогда мы должны сказать: «Стоять! Решительная борьба! Иначе Коммунистический Интернационал погиб». «Так аргументировать, как это делается в предложенных поправках,— невозможно, потому что в них нет ни марксизма, ни политического опыта, ни аргументации»³⁵.

Остановившись, далее, на так называемой «теории наступления», Ленин говорил, что спор идет, конечно, не о том, допустимо ли вообще революционное выступление. Этот вопрос не может быть даже предметом споров в революционной партии. Суть вопроса именно в том, что «эта теория в применении к мартовскому выступлению в Германии в 1921 году была неверна...»³⁶.

Осуждая «теорию наступления», вскрывая ошибки мартовского выступления, III конгресс Коминтерна в своих решениях в то же время наносил удар тем правым элементам, которые критику ошибок мартовского выступления доводили до принципиального отрицания наступательной тактики вообще и становились на путь ликвидаторства. В. И. Ленин призывал компартии учесть опыт русской революции. «Мы победили в России потому, что на нашей стороне было не только бесспорное большинство рабочего класса (во время выборов в 1917 году с нами было подавляющее большинство рабочих против меньшевиков), но и потому, что половина армии, непосредственно после захвата нами власти, и $\frac{9}{10}$ крестьянской массы, в течение нескольких недель, перешли на нашу сторону»³⁷. И дальше В. И. Ленин с исключительной ясностью разрешал проблему взаимоотношений партии и массы в революции: «Я не отвергаю безусловно того, что революция может быть начата и весьма малой партией и доведена до победного конца... Но для победы надо иметь сочувствие масс. Не всегда необходимо абсолютное большинство; но для победы, для удержания власти, необходимо не только большинство рабочего класса,— я употребляю здесь термин «рабочий класс» в западноевропейском смысле, т. е. в смысле промышленного пролетариата,— но и большинство эксплуатируемых и трудящихся сельского населения»³⁸.

Левачкой «теории наступления» III конгресс Коминтерна прогнано-

³⁴ Там же, стр. 293.

³⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 446—448.

³⁶ Там же, стр. 449.

³⁷ Там же, стр. 450—451.

³⁸ Там же, стр. 452.

ставил ленинское понимание подготовки и проведения революционного восстания. Конгресс поставил перед компартиями в качестве главной задачи завоевание большинства рабочего класса на сторону коммунистического движения. Главным лозунгом конгресса был лозунг «В массы!».

III конгресс призвал компартии к такой перестройке своей деятельности, чтобы, не забегая вперед и не отставая, всегда чувствовать настроения широких пролетарских масс и выполнять роль действительного авангарда и руководителя рабочего класса. Компартии должны были научиться умело сочетать защиту самых насущных жизненных требований рабочих масс с подготовкой этих масс к борьбе за диктатуру пролетариата. Это требовало от коммунистов самого активного участия в повседневной экономической борьбе рабочего класса, самоотверженной работы внутри профсоюзов, изгнания из последних духа реформизма. Учитывая огромную тягу рабочих, в том числе и социал-демократических рабочих, к сплочению своих рядов против наступления капитала, III конгресс Коминтерна призвал «создать единый фронт пролетариата, против буржуазии и положить конец расколу пролетариата, являющегося основой для дальнейшего существования буржуазии»³⁹.

Если мартовское выступление показало всю опасность вступления коммунистического авангарда в бой при неблагоприятной обстановке, то события 1920 г. в Италии наглядно продемонстрировали неспособность Итальянской социалистической партии использовать исключительно благоприятную ситуацию, когда в борьбу уже включились широчайшие массы пролетариата. Осенью 1920 г. всю Италию охватил острый революционный кризис. Среди правящих классов началась паника, государственный аппарат был расшатан. Пролетариат захватил почти все крупные промышленные предприятия. На фабриках и заводах были водружены красные знамена, создавались отряды Красной Гвардии. В деревне крестьяне стали захватывать помещичьи земли; создавались крестьянские отряды, учащались вооруженные конфликты с жандармерией. Сильное брожение происходило в войсках. Объективные предпосылки победоносной революции были налицо. Итальянскому пролетариату недоставало решительной, готовой к бою, сознательной революционной рабочей партии. Именно отсутствие такой партии дало всему ходу событий в Италии благоприятный для буржуазии оборот.

Еще на II конгрессе Коминтерна обнаружили серьезные разногласия по важнейшим программным, тактическим и организационным вопросам с делегацией Итальянской социалистической партии. Ее руководитель Д. М. Серрати характеризовал ленинские тезисы по аграрному, национальному и колониальному вопросам как уступки мелкой буржуазии, которые «могут оказаться весьма опасными для пролетарских слоев и толкнуть их на путь все более и более оппортунистических уступок».

Серрати считал, что до победы революции коммунисты не должны идти ни на какие уступки деревенской мелкой буржуазии. Он решительно высказывался против ленинских установок о разделе земли крупных землевладельцев при привлечении крестьянства на сторону пролетарской революции. В тезисах по национальному и колониальному вопросам Серрати усматривал «серьезную опасность для позиции коммунистического пролетариата», так как, мол, «всякая национально-освободительная деятельность буржуазно-демократических фракций, даже если при этом прибегают к средствам восстания, не является революционным действием». Рабочий класс, по его мнению, «может использовать революционное дви-

³⁹ «Деятельность Исполнительного комитета и Президиума исполкома Коммунистического Интернационала от 13 июля 1921 года до 1-го февраля 1922 года». Изд. Коммунистического Интернационала. Пгтр. 1922, стр. 28.

жение буржуазного характера», но он не должен в отсталых странах поддерживать национальную буржуазию «под угрозой потери своей классовой позиции»⁴⁰.

Серрати не был также согласен с решениями конгресса о вхождении английских коммунистов в лейбористскую партию и о работе американских коммунистов в АФТ.

После конгресса Серрати и его сторонники повели борьбу против принятых конгрессом решений, особенно заострив свою критику на условиях приема в Коминтерн. ИККИ в ряде писем Итальянской социалистической партии требовал немедленного очищения ее рядов от реформистских и полуреформистских элементов, создания коммунистической партии и самой усиленной подготовки пролетариата к предстоящим боям. В. И. Ленин в статье, посвященной борьбе внутри Итальянской социалистической партии, указывал, что, «имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, нельзя победить в пролетарской революции, нельзя отстаивать ее»⁴¹, так как в моменты решающих боев за власть малейшие колебания внутри партии способны погубить дело революции, а отход колеблющихся вождей не ослабляет, а, наоборот, укрепляет силы партии, силы революции. Но все эти указания наталкивались на противодействие оппортунистического руководства партии.

Свою капитулянтскую позицию итальянские реформисты и центристы, подобно их единомышленникам в других странах, пытались обосновать, во-первых, тем, что в случае победы пролетарской революции рабочий класс окажется перед лицом послевоенной хозяйственной разрухи и вся ответственность за ее ликвидацию падет на его плечи⁴²; во-вторых, тем, что Англия, Франция и США осуществят блокаду Италии и задушат ее, прекратив подвоз хлеба и топлива.

Конечно, коммунисты не могли не учитывать трудностей, которые встали бы перед пролетариатом после перехода власти в его руки. Они не могли также не считаться с угрозой блокады Италии. В. И. Ленин считал, что такая блокада со стороны Англии, Франции и США «возможна и вероятна» и коммунисты не отрицают этой опасности. В статье «О борьбе внутри Итальянской социалистической партии» Ленин положительно оценивал постановку вопроса о блокаде, изложенную в речи Грациадеи на заседании ЦК Итальянской социалистической партии. Грациадеи признал вопрос о возможности блокады «очень важным». Он сказал, что Россия протерзалась, несмотря на блокаду, отчасти благодаря редкости населения и громадности пространства; что революция в Италии «не могла бы сопротивляться долго, если бы она не координировалась с революцией какой-либо другой страны Центральной Европы», что такая координация «трудна, но не невозможна», ибо вся континентальная Европа переживает революционный период.

«Это сказано, — отметил Ленин, — очень осторожно, но это верно. Я бы только добавил, что и з в е с т н а я координация — хотя еще недостаточная, хотя и неполная — Италии обеспечена и что за полную координацию надо будет бороться»⁴³.

Для более глубокого понимания этой ленинской мысли полезно напомнить, что еще в конце 1916 г., в связи с дискуссией по военному вопросу, Ленин подчеркивал огромное значение социалистического переворота даже в своеобразных условиях такой страны, как Швейцария, так как прорыв фронта империализма даже в такой маленькой стране, зажатой между

⁴⁰ «II конгресс Коммунистического Интернационала». Партиздат. М. 1934, стр. 155, 159, 382—383.

⁴¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 357.

⁴² Серрати писал в те дни: «Взятие власти в условиях нынешней разрухи связано с тем риском, что ответственность, лежащая сегодня на буржуазии, ляжет на нашу партию» (цит. по: «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М. 1953, стр. 73).

⁴³ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 361.

тремя крупными империалистическими странами, должен неизбежно вызвать подражание и решительную поддержку эксплуатируемых масс других стран.

В обстановке 1920 г., когда капиталистический мир был охвачен острым революционным кризисом, Ленин, разоблачая итальянских реформистов, писал: «Реформисты указывают на возможность блокады, чтобы саботировать революцию, чтобы отпугнуть от революции, чтобы передать массам свое настроение паники, запуганности, нерешительности, колебаний, шатаний. Революционеры и коммунисты не должны отрицать опасности и трудностей борьбы, чтобы внушить массам больше твердости; — чтобы очистить партию от слабых, колеблющихся, шатких; — чтобы пропитать все движение большим энтузиазмом, большим интернационализмом, большей готовностью на жертвы ради великой цели: ускорить революцию в Англии, Франции, Америке, если эти страны решатся блокировать пролетарскую и советскую итальянскую республику»⁴⁴.

Такова была позиция В. И. Ленина по данному вопросу.

Сентябрьское поражение итальянского пролетариата явилось тем испытанием, которое со всей глубиной вскрыло ошибки итальянских социалистов и поставило в качестве самой неотложной задачи создание коммунистической партии. В январе 1921 г. в Ливорно состоялся экстренный XVII съезд социалистической партии. На нем боролись три фракции: фракция концентрации (открытых реформистов), унитаристов (объединенцев) и коммунистов; наиболее многочисленны были унитаристы. Борьба этих фракций привела к расколу. Коммунисты в поддержку своей резолюции, полностью разделявшей позицию ИККИ, получили 58 783 голоса, унитаристы собрали 98 028 голосов, открытые реформисты — 14 695. Коммунисты вынуждены были покинуть съезд и в тот же день учредили Коммунистическую партию Италии. ИККИ признал компартию единственной секцией Интернационала в этой стране.

После того как коммунисты оставили Ливорнский съезд, он под давлением революционно настроенных рабочих принял резолюцию, в которой подтверждал еще раз свое присоединение к Коминтерну. Съезд передал также на обсуждение предстоящего конгресса III Интернационала вопрос о конфликте внутри социалистической партии, причем заранее обязывался признать и провести в жизнь решения конгресса⁴⁵. В качестве представителей Итальянской социалистической партии на конгресс прибыли Ладзари, Маффи и Рибольди.

III конгресс Коминтерна подробно обсудил апелляцию Итальянской социалистической партии. Ленин, полемизируя с Сerratи и его единомышленниками, упрекавшими русских товарищей в том, что последние якобы «только того и желают, чтобы им подражали», отвечал: «Революция в Италии будет протекать иначе, чем в России. Она начнется иным образом. Каким именно? Ни вы, ни мы не знаем этого». И далее, характеризуя состояние коммунистического движения в стране, Ленин говорил: «Итальянские коммунисты не всегда являются в достаточной мере коммунистами. Во время занятия фабрик в Италии проявил ли себя там хоть один коммунист? Нет, коммунизма не существовало еще тогда в Италии; можно говорить об известном анархизме, но никак не о марксистском коммунизме. Последний только должен быть создан, привит рабочим массам путем опыта революционной борьбы. И первым шагом на этом пути является окончательный разрыв с меньшевиками...»⁴⁶.

В ответ на апелляцию Итальянской социалистической партии конгресс потребовал от нее исключить из ее рядов реформистов. В зависи-

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См. «Тезисы и резолюции III конгресса Коммунистического Интернационала». Отдел печати Коминтерна. М. 1921, стр. 33.

⁴⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 441.

мости от выполнения этого требования конгресс поручил ИККИ провести необходимые мероприятия по объединению социалистической партии с коммунистической партией в единую секцию Коммунистического Интернационала.

По инициативе В. И. Ленина на конгрессе были разработаны подробные тезисы по организационному вопросу — «Организационное строительство коммунистических партий, методы и содержание их работы». Компартия в своем подавляющем большинстве была еще далека от образца настоящих коммунистических партий, подлинных авангардов революционного рабочего класса, с поголовным участием всех членов партии в борьбе, в движении, в повседневной жизни масс. Даже у наиболее влиятельных коммунистических партий капиталистических стран почти не было оформленных, постоянно действующих низовых партийных организаций на предприятиях, не было строгой системы соподчиненности этих организаций одному партийному центру; не было серьезной нелегальной организации. Только во время выборов или в аналогичных случаях члены партии выступали в едином действии.

Коммунистические партии, борясь за победу социалистической революции, не могли удовлетвориться организационными формами социал-демократических партий, сложившимися в иную, сравнительно мирную эпоху подготовки рабочего класса к грядущей борьбе. Они должны были привести свою организационную структуру и принципы партийного строительства в соответствие с потребностями современной борьбы. А для этого нужно было отбросить принципы реформистских организаций. Тезисы по организационному вопросу, принятые конгрессом, отражали принципы строительства большевистской партии в России. Стержнем этого строительства являются демократический централизм, т. е. соединение централизма и пролетарской демократии. В отличие от реформистских организаций, где масса противопоставляется бюрократической верхушке «вождей», демократический централизм означает активное участие всех членов партии в установлении и выработке ее политической и тактической линий и безоговорочное подчинение выборному руководству. «Для того, чтобы централизация не оставалась на бумаге,— гласили тезисы конгресса,— а была осуществлена на деле, ее необходимо провести таким образом, чтобы члены указанной партии почувствовали, что она означает собою действительное укрепление и развитие их общей деятельности и боевой способности. В противном случае она представится массе как бюрократизация партии и вызовет оппозицию всякой централизации, всякому руководству, всякой твердой дисциплине. Анархизм является противоположным полюсом бюрократизма. Одна формальная демократия не способна устранить в организации ни бюрократических, ни анархических тенденций...»⁴⁷

Большинство европейских коммунистических партий сохранило организацию по территориальному признаку, приспособленную преимущественно к потребностям избирательной борьбы. III конгресс Коминтерна предложил партиям приступить к организации ячеек на предприятиях, не ставя, однако, пока еще вопроса о переходе целиком к организационному построению партии на основе производственных ячеек.

О. Куусинен, которому было поручено вместе с германским коммунистом В. Кененем разработать проект этих тезисов, рассказывает, какое огромное значение придавал В. И. Ленин организационной «мелкой работе» в различных областях деятельности партии, привлечению членов партии к постоянному участию в партийной работе.

«Надо,— писал Ленин тов. Куусинену,— более широко изложить, что

⁴⁷ «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», стр. 203.

именно этого недостает в большинстве западных легальных партий. Недостает повседневной работы (революционной работы) каждого члена партии».

«Это основной изъян».

«Исправить его — вот в чем величайшая трудность».

«А это самое важное»⁴⁸.

Ленин всегда учил тому, что революционную работу необходимо вести «там, где есть масса», и рекомендовал изложить в тезисах III конгресса мысль об обязанности коммунистов работать среди масс неорганизованного пролетариата, среди пролетариата, организованного в реформистских профсоюзах, а также непролетарских слоев трудящихся.

Принятые конгрессом подробные решения по организационному вопросу, состоявшие из 58 пунктов, воплощали большой и поучительный опыт победоносной партии большевиков. Они остались, однако, по выражению Ленина, «мертвой буквой». Причина этого заключалась в самой резолюции. «Резолюция прекрасна,— говорил он по этому поводу на IV конгрессе Коминтерна,— но она почти насквозь русская, т. е. все взято из русских условий. В этом ее хорошая сторона, но также и плохая... Резолюция слишком русская: она отражает российский опыт, поэтому она иностранцам совершенно непонятна, и они не могут удовлетвориться тем, что повесят ее, как икону, в угол и будут на нее молиться»⁴⁹.

В. И. Ленин рекомендовал иностранным товарищам учиться на опыте русской революции, но в то же время предупреждая их, что ни в коем случае не следует понимать это как механическое перенесение всего опыта большевистской партии в России на все другие партии, как механическое копирование тактики, методов, форм работы РКП(б). В. И. Ленин подчеркивал, что коммунистические партии всегда должны учитывать национальные особенности, экономические, политические, социальные условия и исторические традиции своих стран и народов. Он призывал коммунистов исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к решению единой интернациональной задачи.

Перед коммунистами Советской России стояла задача умело раскрыть перед иностранными товарищами свой опыт, а иностранным товарищам предстояло использовать все то ценное, что в этом опыте заключено. «Они (иностранцы товарищи.— Я. Ц.) должны воспринять часть русского опыта,— говорил Ленин.— Как это произойдет, этого я не знаю... Важнейшее в наступающий теперь период, это — учеба. Мы учимся в общем смысле. Они же (иностранцы товарищи.— Я. Ц.) должны учиться в специальном смысле, чтобы действительно постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы. Если это совершится, тогда, я убежден, перспективы мировой революции будут не только хорошими, но и превосходными»⁵⁰.

Коммунистический Интернационал на своем III конгрессе разработал тактику и стратегию коммунистических партий. Подводя итоги работы конгресса, В. И. Ленин писал: «Наши тактические и стратегические приемы отстали еще (если судить в интернациональном масштабе) от превосходной стратегии буржуазии, которая научилась на примере России и не даст себя «взять врасплох». Но сил больше, неизмеримо больше за нами, тактике и стратегии мы учимся, мы подвинули вперед эту «науку» на опыте ошибок мартовского выступления 1921-го года. Мы одолеем эту «науку» целиком»⁵¹. Такова ленинская оценка исторического значения III конгресса Коммунистического Интернационала.

⁴⁸ Цит. по: журнал «Коммунистический Интернационал». 1925, № 2 (39), стр. 38. Это письмо не вошло в издания Сочинений В. И. Ленина.

⁴⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 392—394.

⁵⁰ Там же, стр. 394.

⁵¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 497.